

Ренар Морис

Обезьяна

Фантастический роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Морис Р.**
Обезьяна: Фантастический роман / Ренап Морис – М.: Книга по Требованию,
2023. – 210 с.

ISBN 978-5-519-80590-2

ISBN 978-5-519-80590-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вало его от мирских дел. Пробежав отдел новостей, политических и финансовых, он спрятал газету в карман и ускорил шаги, так как утренний холод давал себя чувствовать.

Он быстро дошел до площади Звезды. Особняк сэра Джэмса Бурлингама стоял на углу двух перекрещивающихся улиц. Его фасад с маленьким палисадником à la française выходил к Триумфальной арке.

Клод, остановившись перед монументальной дверью, нажал кнопку звонка.

Уже в вестибюле он почувствовал атмосферу канцелярии: стучали пушущие машинки за дверями; суетились письмоводители, секретари с книгами и „делами“. В приемной на скамьях сидели просители. В углу сновал вверх и вниз тростниковый под’емник.

Все это Клод Сирюг видел каждый день. Эта простота, в сочетании с великолепием, этот насыщенный трудом покой, контраст между этим очаровательным особняком и деловой жизнью, наполнявшей его, — всем этим он жил уже больше трех лет. И вместе с тем всякий раз, как он появлялся в этом прекрасном особняке, где протекала деятельность сэра Джэмса Бурлингама, он не мог отделаться от безотчетного чувства умиления.

Деятельность сэра Джэмса была обширна. так как его благотворительность была неисчерпаема, его благочестие абсолютно. его состояние необ’ятно. Доступный всем оттенкам сострадания, он относился внимательно ко всякому несчастью, и не было такого бедствия, против которого он не боролся. Широко по всему земному шару раскинула его филантропическая деятельность прочную и густую сеть благотворительных начинаний. Повсюду мощно восста’вал он против пороков и заблуждений. И его миллионы, разбросанные по всему миру в виде цехинов, талеров, рупий, драхм, шиллингов, лир и долларов, в золоте, бронзе, никкеле, ассигнациях и даже раковинах, повсеместно боролись за благо и спасение душ.

Почтительный слуга подошел к Клоду и взял у него портфель.

Здравствуйте, Бертран. Что нового? Как поживают ваши домашние? Что дочка?

— Спасибо, господин Клод. Жар спал. Вы так добры...

Клод Сирюг заметил волнение слуги и протянул ему руку, которую тот пожал от всего сердца. Потом слуга открыл молодому человеку среднюю дверь.

Не успел Клод сделать и одного шага, как веселый маленький фокс с беззаветной нежностью бросился ему под ноги, визжа от радости.

Важный и приятный голос произнес:

— Флай! Флай! Оставь в покое своего друга Клода!

Секретарь приласкал мимоходом радостно взволнованную собаку и направился к сэру Джэмсу.

Солнце радостным блеском заливало кабинет филантропа. Много света и простора и много порядка было в этой атмосфере величия и простоты. Через ярко освещенные окна была видна Триумфальная арка. На большом столе возвышалось распятие.

Сэр Джэмс протянул вошедшему обе руки.

Клод тотчас же обратил внимание, что на его лице не было обычной ясности. Он заметил в то же время несколько развернутых газет, валявшихся в беспорядке на ковре, около кресла. В воздухе чувствовался запах табака. Секретарь обратился к сэру Джэмсу со свойственной ему дружеской почтительностью.

— Что случилось, сэр?

— Вы читали газеты?— спросил сэр Джэмс.

— Да; мельком. Я ничего не заметил...

— Исчезновение тела Манон Дюгэ.

— Ах, да! Но я не понимаю, почему это вас беспокоит...

Сэр Джэмс увидел такое изумление в глазах своего сотрудника, что не мог удержаться от грустной улыбки.

— Вас удивляет мое беспокойство,—прошептал он.

Клод сделал отрицательный жест.

— Да, да,—повторил филантроп.—Вы не представляете себе, какое моральное значение имеет для меня похищение этого трупа. Подумайте, Клод. Труп похищен. Вспомните все то, что мы делаем здесь, — вы, я, наши друзья. Итак, труп похищен! Ну, что вы на это скажете?

Клод сдвинул брови, закусил губы и задумался: не ответа искал он, а разрешения загадки. Наконец он произнес:

Вы боитесь рессюрье-ректоров?

Вместо ответа Сэр Джэмс протянул ему две газетные вырезки.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

**в которой, сквозь тела нескольких повешенных,
можно различить сияющие перспективы.**

Первая вырезка была из *Intransigent*. Клод прочел:
„Это мрачное событие тесно связано с тяжелым современным положением вещей: в госпиталях почти нет трупов, по которым студенты могли бы изучать анатомию.

Всем известно, что невостребованные трупы из больниц отправляются в анатомический театр. Возникли союзы, которые поставили своей задачей брать трупы бедных и безродных людей. Только в виде исключения попадают теперь трупы к изучающим хирургию...

Как относиться к этому явлению? Наши чувства и пиетет к покойникам, конечно, не возражают против этого. Но с точки зрения медицины“.... ¹⁾

— Газета не называет имени,—сказал сэр Джэмс.— Но кто организовал эти союзы? Кто их направляет? Кто насаждает их во всех пяти частях света, дабы каждый мог найти свою телесную оболочку, когда раздастся трубный глас страшного суда?

— Вы,—сказал Клод, становясь озабоченным.

— Прочтите другую вырезку.

Она была взята из датской газеты. Клод перевел:

Выборг, 8 октября.—Вчера ночью, возвращаясь домой, Вольдемар Менвед подвергся нападению со стороны двух неизвестных, которые пытались накинуть на него удушающую маску. Вольдемар Менвед, у которого нет врагов и который имел при себе лишь самую ничтожную сумму денег, спасся только благодаря своей исключительной физической силе.

— Удушливые газы! — продолжал сэр Джэмс.— Убийство посредством удушливых газов! Smothering, как говорим мы в Англии. Smothering! Ужасное слово, терроризировавшее наши большие города в течение долгого времени. Удушающие маски!.... Оружие ресюррекционистов!

Он обратился к Клоду:

¹⁾ Этот отрывок действительно был напечатан в *Intransigent*.

— Что делать?

— Не волнуйтесь, сэр. Один труп исчез во Франции, в Дании напали на одного прохожего,—это разрозненные факты, которые, вероятно, не повторятся. Я не должен передавать вам свой разговор с профессором Браша. Он натолкнул вас на мрачные размышления.

— Нет, Клод, вы были правы. Я должен быть осведомлен о критике, знать своевременно о недовольстве. И, конечно, голос профессора Браша, заведующего Медицинской школой, не принадлежит к тем, которые можно заглушать. Я ясно представляю себе его печальный и задумчивый взгляд, устремленный на вас, и слышу, как он говорит:— „Всё, если вы будете продолжать дальше в том же направлении, мы не сможем больше преподавать анатомию. Или же услужливым убийцам снова придется прибегать к подвигам Бэрка и Гэра. Мы снова вернемся к эпохе ресюрекциионистов. Мы должны будем покупать таким способом добытые трупы, чтобы не дать погибнуть медицине и хирургии!“

— Бэрк и Гэр! Они действовали больше ста лет тому назад,—они и им подобные. Тень, брошенная ими на свою эпоху, не исчезла и в наше время. Smothering: убийство, которое почти не уродует жертву. Smothering! Скажите это маленькое слово вечером, в коттедже, когда гость собирается домой.... Вы увидите, какое оно производит впечатление.

— Сэр,—сказал Клод с улыбкой:— мы так далеки от всего этого. ...

— Нужно предвидеть. Нужно быть на-стороже. В самом деле, похитители трупов предшествовали ресюрекциионистам. Только тогда, когда кладбища начали охранять, Бэрк и Гэр начали свою деятельность.... Сейчас положение очень серьезное; Браша вам это сказал. На одного человека набросили маску; один труп вырыт из земли и похищен.... Датские бандиты считали, может быть, более уместным сразу начать с убийства. И, может быть, похитители Манон Дюгэ выбрали этот труп только для того, чтобы отвести подозрения...

— Могила Манон Дюгэ, — заметил Клод: — охранялась тщательно из-за драгоценностей, скрытых в ней. Поэтому мне непонятен этот выбор...

— Тело Манон Дюгэ,—произнес медленно сэр Джэмс: — набальзамировали, чтобы предохранить его от гниения на некоторое время. Об этом писалось в газетах. Это совершенное тело, предохраненное от разложения, было как бы предназначено для тайных поставщиков неизвестного анатома. Это—жестокая альтернатива, дорогой Клод. Прав я? Или ошибаюсь? На чью сторону стать? На сторону науки или на сторону церкви? Пускай господь бог меня просветит, ибо я заблудился во тьме. Но ведь „на бога надейся, и сам не плошай“ — не так-ли, дорогой Клод? Наш долг — бодрствовать. Час тревоги пробил; будем бдительны! Для начала я попрошу вас установить тесное общение с персоналом анатомических театров. Я должен ежедневно знать, что делают и что думают в анатомических сферах. Наблюдайте одним глазком, на каких трупах работают. Узнавайте украдкой о вскрытиях,—даже о тех, которые происходят в Институте судебной медицины. Особенно не теряйте из виду вскрытий, производимых в больницах. Пожалуйста, Клод, отправляйтесь сегодня же утром в Кламар.... Только, конечно, не подавайте и виду, что вы ищете что-нибудь.

— Отлично, сэр.

— Вы дадите мне отчет сегодня вечером. Не раньше вечера. Вы мне не нужны раньше пяти часов. Погода прекрасная. Может быть, вы воспользуетесь этим ясным солнечным днем и погуляете в лесу после обеда с мадемуазель... Кстати, Клод, когда можно будет сказать: с вашей невестой?

Оба улыбнулись. Клод ответил, сдерживая внезапный прилив радости:

— Надеюсь, что скоро.

— Почему вы не делаете предложения? — спросил сэр Джэмс.—Вас любят, не правда-ли?

— Ах, я в это глубоко верю! Я верю в бога и в любовь той, которую люблю! Служить вам, великому служителю Христа, и дать счастье моей жене—вот цель моей жизни.

— Но прежде вы должны себе поставить целью, чтобы Максанс Альбан стала вашей женой. И для этого необходимо просить ее руки у отца. Вы робеете, Клод, колеблетесь? Хотите, чтобы я взял на себя эту миссию?

— От всего сердца благодарю вас,—сказал Клод, смеясь вместе с сэром Джэмсом —Мы с Максанс медлим, так как знаем, что старик-отец останется одиноким, когда его дочь выйдет замуж.

— Ваш друг и будущий зять —Эрик, если не ошибаюсь—живет на улице Бонапарта, не правда-ли?

— Да.

— Так неужели же он для отца ничто?

— Эрик жил с отцом и сестрой до сих пор, как вам известно. Но, чтобы удобнее было работать, он по моему указанию снял квартиру на улице Арен в том доме, где живет мой брат. Поэтому мне казалось более благородным... более христианским не отнимать некоторое время Максанс у отца.

Сэр Джэмс положил ему руку на плечо и пристально посмотрел на него.

— Вы чудесный человек, милый Клод. Но должен вам сказать, не нарушая воли того, кто меня слышит: не заставляйте счастье дожидаться. Это—высокая особа, посланец небес. Вы должны принять его тотчас же, не мешкая. А теперь отправляйтесь! Кламар вас призывает. Это уже не так прекрасно. Но надеюсь, что послеобеденная прогулка вас вознаградит за утрешнюю.

Сэр Джэмс, оставшись один, подошел к окну и задумался, подставив свой гладкий лоб темным лучам солнца. Флай, насторожившись, прижалась лапами к стеклу и слегка подвывала. Ее хозяин проследил направление ее взора и увидел Клода Сирюга, который, выйдя из дома, нанимал такси.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, нагоняющая жуткий ужас.

Клод открыл дверцы и с рассеянным видом дал адрес шофферу:

— В Кламар, —бросил он.

Но тотчас спохватился:

— Нет, я ошибся: 17, улица Фер-о-Мулэн!

Есть Кламар и Кламар: первый знаменит своим горошком и загородными прогулками. Второй, притаившийся, как вечный ужас, в глубине квартала Гобелэнов, менее известен.

Название Кламар в старину носило парижское кладбище, расположенное в Сен-Марсельском предместье. В 1824 г. кладбище было упразднено; в царствование Луи-Филиппа министерство общественного призрения построило на этом месте отделение Практической медицинской школы, предназначенное для вскрытий. В этот-то официальный и мрачный Кламар направлялся Клод.

По дороге он снова взглянул на окно Максанс Альбан; затем такси направилось по улице Одеон, обогнуло Люксембург, и когда оно пересекало площадь Медичи, Клод увидел Эрика Альбана.

Клод велел остановиться и выскочил из экипажа.

— Эрик! ты куда?

— На улицу Арен, старина. Квартира свободна со вчерашнего вечера. Консьержка меня уведомила. Я должен распорядиться...

— Поезжай со мной. Я не на долго. Потом мы вместе поедem на улицу Арен. Я буду рад повидать Ришара, если он там, и приветствовать его жену. Я не видел их целую вечность.

— Куда ты меня везешь?—спросил Эрик беззаботно.

— К Плутону!

— Как так?

— Писатель должен все знать,—сказал ему Клод.— Бьюсь об заклад, что ты никогда не был в анатомическом театре!

— Не был. Но должен признаться, что это меня вовсе не прельщает. Впрочем, раз представляется случай...

— Сделай одолжение. Твое присутствие мне будет полезно.

— В таком случае не возражаю.

— Правильно делаешь. Ты увидишь незабываемое зрелище, и будет удивительно, если ты не почерпнешь там какой-нибудь идеи для своих романов...

— Ну я, как ты знаешь, веселый писатель. Никаких ужасов не примешивается к любовным похождениям Тилины с нежным сердцем. Не правда-ли, красивое заглавие: Тилина с нежным сердцем?

— Превосходное. Ты над этим сейчас работаешь?

— Да. И кроме того, конечно, над стихами. Но муза покинула меня, а без музыки...

Улица Фер-о-Мулэн не отличается ни длиной, ни шириной. Тотчас же показалась входная дверь дома мертвых.

Они прошли через ворота и увидели вымощенный старинный двор, окруженный зданиями прошлого столетия. Эрику хотелось шутить, чтобы побороть какую-то нелепую жуть, сжимавшую его желудок.

Швейцар преградил им путь. Он узнал Клода Сирюга и с вежливой улыбкой притронулся к козырьку фуражки.

— Этот господин со мной, — сказал представитель сэра Джэмса Бурлингама. Эрик шел следом за ним по сводчатому переходу, ведущему в самый центр Кламара: в сад, скромный, прямоугольный сад, окруженный панелью и застроенный со всех четырех сторон шестью низкими строениями с бесчисленными окнами.

Клод исчез, сказав:

— Я сейчас вернусь. Подожди меня.

Но он долго не возвращался. Тогда Эрик решился подойти к окнам, выходящим в сад. Он увидел через стекла неожиданное зрелище, заставившее его отпрянуть: молодые люди в белых халатах и в белых колпаках склонились над ужасным трупом. Это было какое-то неопишное, кирпичного цвета, человекообразное чудовище, невероятно старое, мрачное, распластанное и совершенно бесчувственное, — живое существо, превратившееся в безжизненную вещь, которую резали с острым любопытством.

Зрелище это потрясло новичка. Возвращение Клода оторвало его от тягостных размышлений.

Клод вернулся в сопровождении прозектора в белом одеянии, спокойное лицо которого светилось умом. Он сказал ему, указав на Эрика.

— Это мой друг, Эрик Альбан, о котором я вам говорил.

— Вы не родственник бывшего префекта полиции? — спросил прозектор.

— Его сын, — ответил Эрик, пожав протянутую руку. Клод продолжал.

Он сам вам подтвердит, что его посещение не требует никакого разрешения. Он не собирается давать сведений в газеты. Мой друг хочет только набраться впечатлений для романа, который он пишет. Он хотел бы

бегло осмотреть здание, составить себе общее впечатление. Ничего больше. Не правда-ли, Эрик?

Эрик скрыл свое изумление и подтвердил слова Клода.

— Отлично, — сказал прозектор:— следуйте за мной. Но вы получите жалкое впечатление. Благодаря стараниям вашего друга и его патрона, мы скоро должны будем закрыть лавочку за неимением товара. Вы пойдете с нами, господин Сирюг?

Он открыл сначала одну дверь под сводами, потом другую за вестибюлем.

— Вам ничего не доставили за последние дни?—тихо спросил Клод.

— Ничего,—ответил прозектор.—А между тем столько народа умирает в больницах!.. Ничего за последние две недели. Есть от чего придти в отчаяние! Все это—трупы, лежавшие в запасе. У нас осталось немного больше шестидесяти. А затем...

— Что же затем?..

— Придется искать путей наперекор вам и сэру Джэмсу.

Клод обратил внимание на бледность Эрика.

Длинная зала была залита светом. Она до жуткости была похожа на рекреационный зал в школе. Два ряда высоких столов оставляли по середине широкий проход. У столов была цинковая поверхность с покатыми краями. Большинство столов было пусто. На одном из них лежала человеческая фигура, покрытая грубым холстом. Видна была мужская голова, красная, рассеченная, как будто перед смертью несчастный подвергся китайским пыткам. Около головы лежала нога,—словно ее закинула сюда посмертная шутка казненного.

Около другого стола двое студентов, увлеченные своим делом, проделывали над трупом старухи операцию аппендицита. Эрик заметил серьезное выражение их лиц, внимание, с которым они производили свою смехотворную работу, дававшую им опыт для будущих выступлений. Он меньше смотрел на труп, чем на живых людей, и восхищался этими серьезными молодыми людьми, которые брали от трупов познание жизни и своей отталкивающей работой готовили себя к прекрасной миссии спасителей.

Из уважения к двум труженикам Эрик отошел от них. Три группы студентов и студенток окружали другие

трупы. На всех была незапятнанная одежда, придававшая им священнический вид. Эрик, оставив Клода и прозектора, тихо разговаривавших друг с другом, подошел к безмолвно священнодействующим. Один исследовал глазную впадину, второй—сердце; другие распределили между собой тощие и жилистые конечности. Но Эрик тщетно взывал к своему хладнокровию и заставлял себя смотреть на трупы, как на добровольных сотрудников студентов-медиков,— это ему не удавалось. Нет, эти разрезы были слишком похожи на утонченные раны; эти трупы, потемневшие от времени, слишком походили на привидения. Зрелище было нестерпимо тягостным. К тому же уже несколько минут запах, исходивший от этих остатков, стал окончательно подавлять Эрика Альбана. В зале был отвратительный воздух, ужасная смесь гниения и аптеки, едва ощутимая при входе, но постепенно внедрявшаяся в горло и пропитывавшая вас насквозь, как будто вы сами были одним из этих несчастных мертвецов, умерших несколько недель тому назад.

Клод, опасаясь за впечатлительного Эрика, не спускал с него глаз. По его внезапной бледности он понял, что пора его увести.

Прозектор простился с ними во дворе. Такси дожидался; но Эрик предложил Клоду пройти пешком до улицы Арен.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой появляется некто и набрасывает на все свою тень.

— Значит можно подняться наверх? Там никого нет?

— Никого, господин Альбан, — ответила консьержка. — Они уехали вчера. Вот ваш ключ. Шестой этаж, направо, вы помните?

Они поднимались по круглой лестнице.

— В заключение к своему рассказу, — сказал Клод Сирюг: — я должен добавить, что некоторые ресюреക്ഷионисты отличались довольно богатым воображением... Они придавали маске с наружной стороны улыбающуюся и жизнерадостную внешность. Иной раз ночью